

Игорь СЕВЕРЯНИН
Игорь Васильевич ЛОТАРЕВ

*4(16).V.1887, Петербург —
20.XII.1941, Таллин*

*Н*ачало XX века напоминало мрачное удушье перед мировой грозой. Предгрозье, как надвигающийся трагизм жизни, ощущалось всеми, особенно интеллектуалами и читающей публикой. Что делать и где скрываться? Уходить в изящную «мечту», расписанную символистами, не хотелось: уж больно абстрактно. Все начинали уставать от бесполой символистов, от неврастенично-болезненных декадентов, от витиевато-заумных модернистов. Просвещенному народу хотелось реально ощутимого: яркой и brutальной жизни. Набирающий силу буржуазный бомонд жаждал здоровых развлечений и отвлечений с изрядной долейпряного эротизма. Этот исторический момент гениально угадал Игорь Северянин.

В желтой гостиной, из серого клена, с обивкою шелковой,
Ваше сиятельство любит по вторникам томный журфикс...
Ваше сиятельство к тридцатилетнему — модному — возрасту
Тело имеет универсальное... как барельеф...

Душу душистую, тщательно скрытую в шелковом шелесте,
Очень удобную для проституток и для королев...
Впрочем, простите мне, Ваше сиятельство, алые шалости...

Эти «алые шалости» с куртизанками «в коричневую лошадь» и представил в своих стихах Игорь Северянин. Он сочинял многочисленные фэнтэзи в форме различных миньонет и квинтин про «ананасы в шампанском» и «мороженое из сирени», угадав приближение эпохи массовой культуры. Серебряный век с его уклоном в философию и в музыку уходил. На смену салонности и камерности выдвигались эстрадность и бульвар. Поэзия из увлечения для избранных переходила в развлечение для масс. Из «штучного товара» превращалась в массовый продукт потребления — в песню, выкрик, анекдот, лозунг... Таков был исторический фон.

А теперь непосредственно о Северянине. Избалованный маменькин сынок («О, кто на свете мягче мамы? Её душа — прекрасный храм!») «Захлебывался в природе» с детства (жизнь в Череповце, реки Суда, Андога, Шексна). Его любимейшее время года — весна. Двоюродная сестра Лидия Лотарева вспоминает: «Игорь — реалист в форме. Уже в те времена писал стихи. Они были полны виконтами и баронессами, описанием красот природы и жизни». Потом виконты и баронессы ушли — пришли грёзёрки и сюрпризёрки.

Первым оценил талант Северянина Константин Фофанов, с которым они дружили, несмотря на разницу в возрасте. «Фофанов вообще очень любил меня, всячески поощряя мои начинания и предрекая им постоянно громкую будущность, но мой уклон к модернизму его всегда печалил, а иногда и раздражал...» Фофанов восклицал:

О Игорь, мой единственный,
Шатенный трубадур!
Люблю я твой таинственный
Лирический ажур.

В свою очередь, Игорь Северянин любил и почитал стихи Фофанова и его самого. И еще богиней для Северянина была Мирра Лохвицкая. Лохвицкой и Фофанову Северянин посвятил не одно стихотворение.

С 1904 года на свои средства Игорь Северянин начал вы-

пускать стихи отдельными брошюрами, их было около сорока. Некоторые из них были замечены, но подлинное признание к Северянину пришло после критики Льва Толстого (перефразируя Оскара Уайльда: «Как важно быть обруганным классиком»). Произошло это в день 12 января 1910 года: стихотворение 22-летнего Северянина «Хабанера» («Вонзите штопор в упругость пробки...») попало на глаза гениальному старцу Льву Николаевичу Толстому. Он взвился: экая пошлость! Он, великий моралист, в «Крейцеровой сонате» проповедовал воздержанность от пагубы любовной страсти, а тут какой-то никому не ведомый поэт Северянин открыто призывает Бог знает к чему — «и к знойной страсти завьются тропки...» Позор. Разврат!..

«Об этом мгновенно всех оповестили московские газетчики... после чего всероссийская пресса подняла вой и дикое улюлюканье, чем и сделала меня известным на всю страну! С тех пор каждая моя новая брошюра тщательно комментировалась критикой на все лады и с легкой руки Толстого, хвалившего жалкого Ратгауза в эпоху Фофанова, меня стали бранить все, кому не было лень. Журналы стали печатать охотно мои стихи, устроители благотворительных вечеров усиленно приглашали принять в них участие...», — вспоминал Игорь Северянин.

Лев Толстой обругал, а Валерий Брюсов поддержал молодого поэта. Брюсов в 1911 году написал хвалебную рецензию на сборник Северянина «Электрические стихи»; смысл отзыва: не пропустите талант. В 1913 году вышел сборник «Громокипящий кубок» с предисловием другого маститого поэта Серебряного века Федора Сологуба (впрочем, Сологуб дал и название сборнику). «Одно из сладчайших утешений жизни — поэзия свободная, легкий, радостный дар небес, — отмечал Сологуб. — Появление поэта радует, и когда возникает новый поэт, душа бывает взволнована, как взволнована бывает приходом весны...»

Сравнение с приходом весны не случайно. В молодом Северянине действительно было что-то от ликующего пробуждения природы.

Душа поет и рвется в поле,
Я всех чужих зову на «ты»...
Какой простор! Какая воля!
Какие песни и цветы!..

За 1913—1918 год «Громокипящий кубок» выходил десятью изданиями (это рекорд!) общим тиражом 31 348 экземпляров. Следующий сборник «Златолира» (1914) выдержал 7 изданий, «Ананасы в шампанском» (1915) — 5 изданий. Северянин попал в нерв эпохи с её резко меняющейся социальной и бытовой обстановкой, убыстряющимся темпом жизни, возникающим ароматом новизны, отсюда все эти «бензиновые ландолетто» и «моторные лимузины».

Стрекот аэропланов! Беги автомобилей!
Ветропрóсвист экспрессов! Крылолет буеров!..

Вечера, концерты, рестораны. Блеск огней, вино, женщины.
Соблазны и наваждения. Вихрь удовольствий. Зной желаний:

Смеется куртизанка. Ей вторит солнце броско.
Как хорошо в буфете пить крем-де-мандарин.
За чем же дело встало? — К буфету, черный кучер!
Гарсон, сымпровизируй блестящий файв-о-клок!..

Игорь Северянин и импровизировал и развлекал публику. В рецензии на «Громокипящий кубок» Владислав Ходасевич писал о Северянине: «...его душа — душа сегодняшнего дня... в ней отразились все пороки, изломы, уродства нашей городской жизни, нашей тринадцатизэтажной культуры... но в ней отразилось и небо, еще синее над нами...»

Северянин грезил наяву. Ему казалось, что поэзия открывает не известные никому доселе сады наслаждения и что она способна дать ключи от счастья (соревновался с Вербицкой, с ее «Ключами от счастья»?). Северянин умел создавать воздушные замки, но одновременно умел к погружаться в бездны отчаянья.

Всегда мечтательно настроен,
Я жизнь мечтанью предаю.
Я не делец. Не франт. Не воин.
Я лишь пою-пою-пою!..

Это уж точно, в Северянине никакой мужественности Гумилева не было, он был всего лишь соловей поэзии. Изобретатель и сочинитель новых рулад и изысков. Он обожал необычные сочетания и неологизмы. Отсюда — «чаруйная быль», «златополдень», «шмелит-пчелит виолончель», «целый день

хохотала сирень фиолетово-розовым хохотом». Мотыльки у Северянина «золотисто жемчутся», кусты с весною «зачерещутся, засиренятся» и т.д.

И еще одна особенность поэзии Северянина — ее музыкальность, напевность (не случайно многие стихотворения его положены на музыку). Прочтите, к примеру:

Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...
Королева играла — в башне замка — Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил её паж...

Правда, строки не читаются, а поются? Сергей Прокофьев утверждал: «Северянин — поэт-музыкант, в его творчестве ощущается применение контрапункта и фуги». Да и сам Северянин объявлял о себе: «Я — композитор: в моих стихах — чаруйные ритмы». Это в стихах. А вот что он писал в воспоминаниях:

«Да, я люблю композиторов самых различных: и неврастеническую музыку Чайковского, и изысканнейшую эпичность Римского-Корсакова, и божественную торжественность Вагнера, и поэтическую грацию Амбруаза Тома, и жуткий фатализм Пуччини, и бриллиантовую веселость Россини, и глубокую сложность Мейербера, и — сколько могло бы быть этих «и»!»

Музыкальность поэзии Северянина несомненна, но нельзя пройти стороной и типичную «северяниновщину», в которой превалирует нечто аксессуарно-бытовое, парфюмерно-галантерейное, шоколадно-лимонадное. Недаром Зинаида Гиппиус презрительно бросила в его адрес: «Как прирожденный коммивояжер». Гиппиус, одна из ярких противниц Северянина, критикуя Брюсова, писала, что «брюсовская обезьяна родилась в виде Игоря Северянина... Чего у Брюсова запрятано, умно и тщательно заперто за семью замками, то Игорь Северянин во все стороны как раз и расшлепывает. Он ведь специально и создан для раскрытия брюсовских тайн. Огулом презирает современников...»

Тут Зинаида Гиппиус уловила суть: Северянин если не презирал современников, то уж точно немного издевался над толпой, пародируя ее вкусы и пристрастия. Он надевал маску и участвовал в народном карнавале, но, как это часто бывает, заигрывался и сам становился этой маской.

Близко знавший Северянина поэт и переводчик Георгий Шенгели пронизательно писал: «Игорь обладал самым демоническим умом, какой я только встречал, — это был Александр Раевский, ставший стихотворцем; и все его стихи — сплошное издевательство над всеми, и всем, и над собой... Игорь каждого видел насквозь, толстовской хваткой проникал в душу и всегда чувствовал себя умнее собеседника — но это ощущение неуклонно сопрягалось в нем с чувством презрения».

Стало быть, соловей, но с демоническим умом. Тогда понятны его ехидно-издевательские призывы:

Ало жальте уста — вонзайте кинжалы,
Чтоб бюст задрожал...

Умница Северянин понимал, что мало писать звонкие стихи, надо еще подвести под них какую-то теоретическую базу, придумать новое литературное направление. И он провозгласил эгофутуризм (брошюра «Пролог «Эгофутуризма», 1911), причем опередил в своем открытии кубофутуристов — Маяковского, Бурлюка, Хлебникова и Крученых. Кубофутуристы хотели выбросить за борт современности всех гениев прошлого, за что получили резкую отповедь со стороны Северянина: «Не Лермонтова с парохода, а бурлюков — на Сахалин!» При всех своих эгофутуристических загибах Северянин тяготел к классике.

«Эго» и «кубо» на какой-то период объединились, а потом резко разошлись, как Маяковский, который сначала сблизился и сдружился с Северяниным, потом оттолкнул его дружбу. А в феврале 1918 года, когда в Москве, в Политехническом, проходили «выборы» короля поэтов, и Маяковский проиграл Северянину, то и вовсе обиделся и назвал стихи Северянина «сборником ананасных, фиалочных и ликерных отрывков».

Но факт есть факт: Северянин был первым (король поэтов), второй — Маяковский, третий — Бальмонт. В стихотворении «Слава» Северянин восторгался собою:

Милыоны женских поцелуев —
Ничто пред почестью богам:
И целовал мне руки Клюев,
И падал Фофанов к ногам!

Мне первым написал Валерий,
Спросив, как нравится мне он;

И Гумилев стоял у двери,
Заманивая в «Аполлон»...

...Я знаю гром рукоплесканий
Десятков русских городов,
И упоение исканий,
И торжество моих стихов!

«Торжество стихов», слава Северянина длилась 5 лет, с 1913 по 1918 год. В эти годы «грезофарсовый» Северянин был популярнее всех других русских поэтов. Он выпускал сборники, ездил по стране с выступлениями и давал свои «поэзы-концерты» с неизменным успехом. Молодые женщины были от него без ума. По мнению современного критика Глеба Шульпякова, «тотальная Эмануэль разлита в каждой его строчке». А это всегда притягивает. Примеры навскидку: «Для утонченной женщины ночь всегда новобрачная...», «Возьми меня, — шепнула, побледнев...», и —

И взор Зизи, певучее рондо,
Скользя в лорнет, томил колени франту...

Все эти Зизи, лорнеты, франты, «все наслаждения и все эксцессы», «грандиозы» —

— Нельзя ли по морю, шоффэр? ... а на звезду?..
Чтоб только как-нибудь: «сегодня не приду»...

Всё это разом рухнуло и ушло с революцией. Новые времена — новые песни:

Нет табаку, нет хлеба, нет вина, —
Так что же есть тогда на этом свете?!

Красный конь революции на бешеном скаку выбросил из седла всадника с тонким, нервным, вытянутым в рюмочку лицом. Революционные бури застали Северянина в Эстонии, в местечке Тойла, там он и остался на берегу Финского залива. В Россию он больше не вернулся, хотя хотел и рвался. Прошлое мгновенно улетучилось, а вместе с ним и легкая, поющая, ироническая поэзия. Северянин стал иным, и иными стали его стихи. Сначала он возмутился:

С ума сойти — решить задачу:
Свобода это иль мятеж?
Казалось, всё сулит удачу, —
И вот теперь удача где ж?

Простор лазоревый теорий,
И практика — мрачной могил...
Какая ширь была во взоре!
Как стебель рос! и стебель сгнил...

Как знать: отсталость ли европья?
Передовитость россиян?
Натура ль русская — холопья?
Сплошной кошмар. Сплошной туман...

А потом примирился с судьбой. И пишет удивительно прозрачные в печали стихи. Утешения и спасения ищет в природе:

Так как же мне от горя и позора
К ненужью вынуждающей нужды
Не уходить на отдых на озера,
К смиренности примиряющей воды?..

В первые годы эмиграции Северянин еще выпускал поэтические сборники, ездил с концертами по Европе, а потом «заказов» не стало, и последний период жизни прошел в крайней нужде. А тут еще нездоровье («задыхаюсь буквально...»).

Финал оказался безысходно-трагичным. Смерть в 54 года, в бедности и забвении. Творимая поэтом «чаруйная поэма» превратилась, как он и предсказывал, «в жалкий бред».

И остался только вздох: «Как хороши, как свежи будут розы...» Цветущие и благоухающие розы, но уже без Игоря Северянина.